

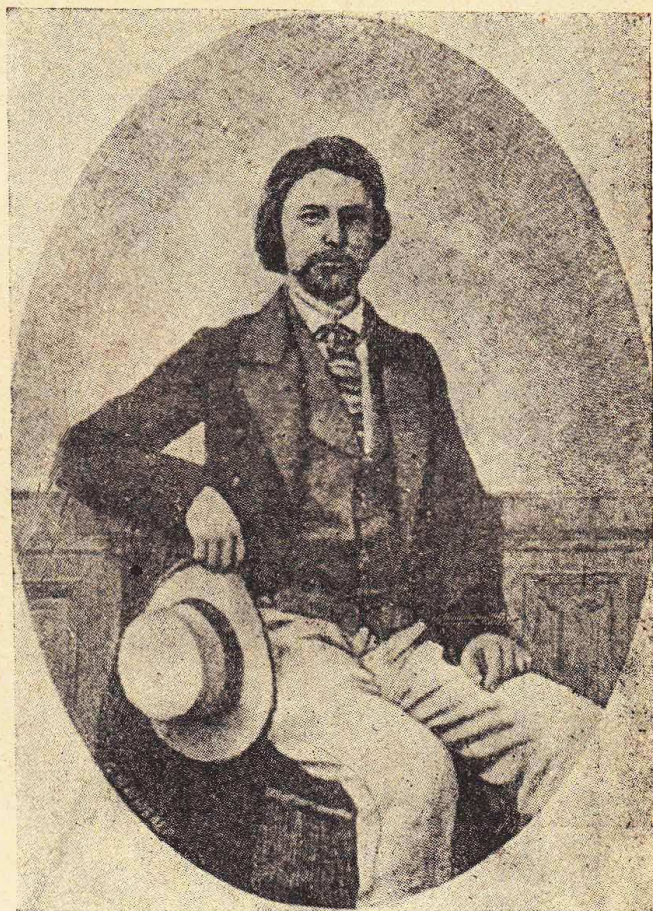
Художники-беллетристы шестидесятых годов

Шестидесятые годы — одна из самых ярких красочных эпох дореволюционной России.

Не будем уже говорить о ее современниках, на которых проводившиеся тогда реформы: уничтожение крепостничества (1861 г.), введение в практику публикации государственного бюджета (1862 г.), установление новых форм судопроизводства (1864 г.), земское самоуправление (1864—1865 гг.) и др. — производили буквально ошеломляющее впечатление, и которые свою эпоху называли не иначе как «эпохой великих реформ».

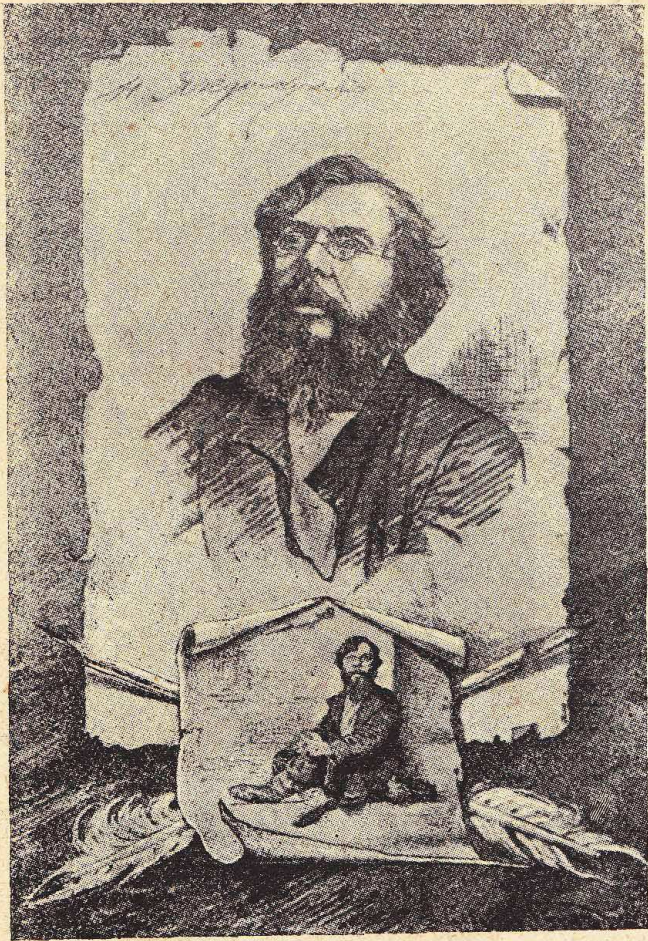
Но и мы, с своей стороны, если не будем забывать того, что каждое историческое явление оценивается с соблюдением исторической перспективы, должны будем признать, что эта эпоха сыграла в жизни старой России громадную роль. Конечно, ее «величие мы поставили под очень большой знак вопроса; конечно, все эти торжественные «уничтожения», «введения», «отмены» мы пишем не иначе, как в ковычках, и все же мы не станем отрицать, что перемену в состоянии старой России, и перемену, несомненно, к лучшему, эпоха 60-х годов произвела очень большую.

Она, вместе с Крымской кампанией, вдребезги разбила «колосс на глиняных ногах» — николаевскую Россию; она пробудила русское общество от его вековой спячки, устремила его мысль в область социальных вопросов, разрешаемых под знаком социализма, хотя бы сначала и утопического; она родила русскую революционную общественность и, главное, выдвинула на историческую сцену новых людей: вместо помещиков-крепостников — торговую и промышленную буржуазию, вместо барской, дворянской интеллигенции — интеллигенцию разночинную. Именно с эпохи 60-х годов вся хозяйственная жизнь страны пошла под флагом преобладающего, все более и более растущего влияния промышленной буржуазии, а вся общественно-идеологическая жизнь — под флагом новых идей интеллигента-разночинца, который

Николай Васильевич Успенский и является предметом нашего внимания. Эта разночинная интеллигенция происходила не из дворянской и не из чиновной среды и была поставлена в совершенно иные условия по сравнению с теми, в которых жила и действовала интеллигенция дворянская. Исключения в данном случае не составляли и те отдельные ее представители, которые хотя по крови принадлежали к дворянству, как Некрасов, Салтыков, но совершенно отказывались от дворянской идеологии, деклассировались и только через это попадали в среду разночинной интеллигенции и делили общую с ней участь. А участь эта, повторяем, была далеко не та, что у интеллигента-дворянина.

Чтобы завоевать себе прочное положение в жизни, разночинец прежде всего должен был стать человеком самого упорного, настойчивого, часто черного труда, должен был работать, не покла-

Павел Иванович Якушкин

дая рук. Этот труд и ничтожная оплата его не пугали интеллигента-разночинца: черную работу, страдания, нищету он хорошо знал еще с детства и не боялся их; но они, конечно, налагали особый отпечаток на его психологию. Совершенно немыслимо его представить в виде какого-нибудь Онегина, Печорина, скучающего от пресыщения жизнью, думающего о возвышенно-прекрасном и изящном, отвлеченно-философствующего и знающего только один культ — культ женщины. Разночинцу было не до этого. Некогда было скучать, некогда было думать об изящном и красивом, нельзя было безраздельно отдаваться любви к женщине; нужно было, надеясь только на себя, на свои силы, привлекая на помощь себе знание, науку добывать себе кусок хлеба, чтобы не умереть с голода. Отсюда у разночинца его взгляд на жизнь, на всю природу, не как на «храм», а как на «мастерскую», его равнодушие к чистой поэзии и убеждение, что «Рафаэль гроша медного не

стоит», его принцип, что если ты встретил понравившуюся тебе женщину, то «добивайся толку, а не добился, отойди: свет не клином сошелся»; отсюда его суровость и непреклонность в житейской борьбе, требующая, чтобы если начал рубить, то руби все, ничего не жалея, и себя валяй по ногам, раз это нужно; отсюда, наконец, его глубочайшая вера, как в своего единственного союзника, в точное знание, в химию, вообще естествоведение.

Каждый интеллигент-дворянин мог и должен был подписаться под словами Герцена, утверждающего: «Все наше образование, вся наша литература и научное развитие, наша любовь изящного, наши занятия предполагают дорогу, расчищаемую другими; надобен чей-то труд для того, чтобы нам доставить досуг, необходимый для нашего психического развития». И если мы примем во внимание, что этими «другими» были не кто иные, как крепостные крестьяне, «народ», то мы поймем, откуда у интеллигента-дворянина его «совестливое», виноватое чувство по отношению к этому «народу», к мужику, сознание перед ним своей вины, а отсюда и склонность к его идеализации, расцветиванию его духовного облика разными и существующими и несуществующими качествами. Мы поймем, какими соками дворянской психологии питались «Хори и Калинычи», «Касьяны и Лукерьи» Тургенева («Записки охотника»), «Антоны-горемыки» Григоровича.

Не то было у интеллигента-разночинца. У него в прошлом не было никаких крепостных; он никого не угнетал, не эксплуатировал, никому не наносил социальных «обид»; у него поэтому не было причин испытывать угрызение совести, не пред кем было каяться. Ему поэтому же не нужно было идеализировать русского мужика, заглаживая свою вину перед ним, так как за ним и вины этой не было. Наоборот, всегда чувствуя антипатию к интеллигенту-дворянину, являясь по отношению к нему своего рода социальной реакцией, разночинец при изображении мужика шел по иному, обратному, так сказать пути. Если дворянская интеллигенция 40-х и 50-х гг. не хотела замечать темных сторон мужика,

то интеллигенция разночинная в 60-е годы как-то не имела охоты останавливаться на его светлых сторонах и была уверена, что «мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке». И так это было особенно с разночинцами шестидесятниками первого, так сказать, призыва; впоследствии такой подход к мужику стал пропадать, а в семидесятых годах не только исчез совершенно, но и снова был заменен идеализацией крестьянского быта и крестьянской психологии, но у первых шестидесятников, как особенно, например, у Николая Успенского, он был именно таким.

Однако даже и у них, а тем более вообще у разночинцев-шестидесятников, такой подход к мужику отнюдь не свидетельствовал об отсутствии интереса к крестьянскому вопросу, о недооценке его значения. Наоборот, все они, начиная с того же Николая Успенского, всегда в центре своего внимания ставили именно вопрос о судьбе русского мужика и своими очерками, повестями, рассказами, написанными в большинстве случаев с большими дефектами по части художественности, с сильным уклоном в сторону публицистики, с полным равнодушием, а часто даже и просто презрением к поэтической отделке их, горячо участвовали в устройении крестьянского будущего.

Это будущее тогда теснейшим образом было связано с крестьянской реформой 1861 года, поэтому было вполне естественным, что именно эта реформа, ее проведение в жизнь, ее последствия всегда фигурировали в произведениях разночинцев-беллетристов 60-х годов.

Да и вообще, если бы кто-нибудь захотел ознакомиться с тем, как наша художественная литература реагировала на все важнейшие вопросы, занимавшие тогдашнюю русскую общественность, то он лучше всего мог бы это сделать именно по произведениям беллетристов-разночинцев, как наиболее типичных и ярких выразителей веяний той эпохи.

Между тем случилось как-то так, что они при нашем широком интересе к дореволюционной художественной литературе оказались почти совершенно забытыми. Изредка появится на нашем книж-

ном рынке издание сочинений, далеко при этом не полное, Глеба Успенского; еще реже Ф. М. Решетникова. Имена же Н. Успенского, Якушкина, Слепцова, Левитова, Воронова, Петрова остаются совершенно неизвестными для нашего даже и не массового читателя. Колоритнейшие фигуры в области художественного творчества, создавшие здесь целую эпоху, как-то оказались у нас «забытыми именами».

Восполняя этот крупный недочет, ГИХЛ выпускает однотомник «Беллетристы-шестидесятники».

Этот однотомник должен будет явиться, так сказать, первым опытом «воскрешения» в общественной памяти «забытых имен» классиков. Не ограничиваясь им, издательство предпринимает еще ряд шагов в том же направлении, одним из которых будет уже сейчас намечающийся однотомник «Беллетристы-семидесятники». И хронологически, и по манере тогдашнего художественного письма, и отчасти идеологически эпоха 60-х и эпоха 70-х годов так близко соприкасались одна с другой, а участь писате-

Василий Алексеевич Слепцов

лей-художников и той и другой эпохи в отношении общественного внимания к ним была так сходна, что, конечно, заговоривши о беллетристах-шестидесятниках, нельзя оставить в стороне и беллетристов-семидесятников.

В состав однотомника «Беллетристы-шестидесятники» входят следующие авторы и их произведения:

Н. Успенский — «Федор Петрович», «Хорошее житье», «Сельская аптека», «Грушка», «Обоз», «Змей», «Проезжий».

Якушкин — «Велик бог земли русской», «Бунты на Руси».

Слепцов — «Спевка», «Утопленник», «Свиньи», «Питомка», и несколько корреспонденций о жизни рабочих.

Решетников — «Горнорабочие», «Яшка», «Тетушка Опариха», «Никола Знаменский».

Левитов — «Расправа», «Моя фамилия», «Горбун», «Именины сельского дьячка», «Нравы Московских девственных улиц», «Петербургский случай».

Помяловский — «Вукол», «Очерки бурсы».

Петров — «Выборы».

Воронов — «Детство и юность», «Арбузовская крепость».

Избранное из произведений Селиванова и Свистунова.

Однотомник открывается статьей А. М. Горького, необычайно сочувственно и живо отозвавшегося на самую идею издания однотомника шестидесятников, и статьей Н. Ф. Бельчинова социологического характера, посвященной эпохе 60-х годов.

Текст каждого автора, входящего в состав однотомника, сопровождается биографическим очерком, особенно необходимым в данном случае ввиду малоизвестности как самих произведений, так и творцов их, кратким историко-литературным комментарием, библиографическими данными, целым рядом рисунков из сатирического журнала «Искра» в сопровождении статьи Н. Кравцова и там, где это можно, воспоминаниями о писателях их современников.

Что касается, наконец, подбора авторских имен однотомника и подбора произведений в нем, то он, конечно, не случаен и продиктован был редакции целым рядом соображений. Читателю мо-

жет, напр., показаться странным отсутствием в однотомнике произведений Глеба Успенского, одного из крупнейших, галантливейших беллетристов своей эпохи, имя которого, конечно, не может быть сравниваемо в отношении своей популярности с его двоюродным братом Николаем Успенским, Слепцовым, Якушкиным и другими. Но вот эта-то именно популярность Глеба Ивановича и служит объяснением того, почему он не попал в однотомник «Беллетристы-шестидесятники». Его произведения издавались и издаются и сборниками избранного текста и дешевыми массовыми выпусками (школьного типа); он же был издан и особым однотомником, посвященным только ему одному; между тем ни Н. Успенский, ни Якушкин, ни Слепцов до сего времени не издавались.

Может показаться странным читателю и то обстоятельство, почему у того или другого автора однотомника взяты менее крупные произведения и, наоборот, не взяты более крупные, более ценные. Почему, напр., в однотомнике помещены «Горнорабочие», «Яшка» и др. произведения Решетникова, но там не нашли себе места так нашумевшие в свое время, так поразившие современников его и составившие ему литературное имя знаменитые «Подлиповцы»!

Объяснение здесь то же самое, что и в отношении Глеба Успенского.

И там и здесь действиями редакции руководило одно соображение — соображение места, так как совершенно не представляется возможным хотя бы относительно полно представить всех, взятых редакцией авторов в одном издании, которое и без того разрослось до очень больших размеров в семьдесят с лишком авторских листов.

Во всяком случае и тем, что печатается в однотомнике, читателю дается полная возможность не только составить себе представление о писателях-шестидесятниках, но и высказать свое суждение о монтажке книги, а через это так или иначе повлиять и на осуществление издательством уже намеченного, как мы сказали выше, в настоящее время другого однотомника того же типа: «Беллетристы-семидесятники».

Д. К.